

К 80-летию Александра Фадеева

ВОСПЕВШИЙ МУЖЕСТВО

ВЕСНОЙ 1943 года, когда фашистские войска были выбиты из Донбасса, в жизни Александра Фадеева, создателя классического романа «Разгром», произошло событие, имевшее исключительное значение в его судьбе. В Центральном Комитете ВЛКСМ его познакомили с материалами о комсомольской организации, действовавшей в подполье в небольшом шахтерском городке Краснодон, предложили написать о ней.

Что сделали эти юноши и девушки? Как будто немного. Казнь предателя, разгон скота, который оккупанты собрали для отправки в Германию, налет на лагерь военнопленных и освобождение бойцов. Но, вчитываясь в материалы, документы о молодогвардейцах, писатель порой плакал, хотя знал войну, был человеком огромного мужества и еще в 1921 году вместе с другими делегатами X Всероссийского съезда ВКП(б) участвовал в подавлении Кронштадтского мятежа, был серьезно ранен на льду Финского залива. Позднее Фадеев признавался: «Такой материал мог бы камень расплавить!»

И он поехал в Краснодон. Груды фашистской техники под Харьковом и Ворошиловградом, сваленной в кюветы, искаженные локомотивы и остовы вагонов... В донецких поселках — горы битого кирпича, «безглазые» дома; по ночам скрежет ржавой жести по обнаженным балкам — щемлящая и пугающая «музыка» ночной тьмы. Война, как заметил А. Т. Твардовский, побывавший в том же 1943 году на родной смоленской земле, «оживает и преобразает на свой лад любую местность», вносит нивелирующее скорбное однообразие разрушения в любой край.

Но взор писателя жадно ловил и находил не только приметы разрушения. Перед ним оживала в Донбассе картина бесстрашной, полной мужества и юношеской дерзости борьбы с врагом, обжигали сознание факты непокорности оккупантам, сила патриотизма, не смятого, не принавшего ни на миг того «нового порядка», который нес фашизм.

Кто он был, тот юноша, что первым, не ожидая ничего приказа, с беспощадной яростью забросал бутылками с горючей смесью фашистов в первый же день оккупации? Кто собрал негромко заговаривший радиоприемник и записал сводку Совинформбюро? Люди «прямого действия», родственные Морозке и Метелице из «Разгрома». И потому писал он о героях

Краснодона «с большой любовью, отдал роману много крови сердца».

Значительные книги создаются всей жизнью. Художник «тратит» на них самый драгоценный материал идеальнейших мечтаний, душевных сил. Так было и с Фадеевым. Он писал о подвигах Олега Кошевого и Ульяны Громовой, беспрерывно «расширяя» нравственный объем их деяний, их душевных порывов в своей памяти, в пространстве которой сливались воедино две юности: юность его друзей, таких, как Игорь Северцев, сожженный вместе с Сергеем Лазо в топке паровоза японскими интервентами, и юность молодогвардейцев. «Все осталось в памяти, как слитная симфония юности», — писал он. И эта симфония о прекрасном человеке, рожденном новой эпохой, зазвучала с особой силой в романе «Молодая гвардия».

Вот в пропыленной степи, оглушенные ревом скота, скрипом повозок, плачем детей, идут в 1942 году на восток Ваня Земнухов и Жора Арутюнянц. Уже вскипают от взрывов у переправы воды Донца и Дона. Уже у далекого Сталинграда густо себребится всплывшей рыбой упрутая волжская волна. Но вслушайтесь в беседу двух вчерашних школьников — фадеевские герои не подавлены временным преимуществом врага, они спорят о мирных профессиях. Ваня Земнухов читает свой ответ на печальные строки А. Блока «Рожденные в годы глухие...» И шагающий рядом с будущими молодогвардейцами с идеальным строем чувств, майор, провалившийся в госпиталь несколько месяцев, изумляется:

«Вы, ребята... вы даже не знаете, какие вы ребята! Нет! Такое государство стояло и будет стоять! — вдруг сказал он и с ожесточением погрозил кому-то в пространство коротким пальцем. — Он думает, он у нас жизнь прекратил! — с издевкой в голосе продолжал

майор. — Нет, брат, шалишь! Жизнь идет, и наши ребяташки думают о тебе, как о холере или чуме. Пришел и уйдешь, а жизнь своим чередом — учиться, работать! А он-то думал! — издевался майор. — Наша жизнь навеки, а он кто?.. Я в этом проклятом госпитале сам было пал духом, неужто ж, думаю, на него и силы нет, а как я к вам прищвартовался и иду, у меня полное обновление души...»

Этот «идеализм» юношей и девушек предвоенных лет был драгоценным качеством не только молодежи. Фашизм действительно воспринимался как эпидемическое заболевание буржуазного мира — хуже чумы и холеры. Но в этом же идеализме, а вернее, в величайшем социальном и нравственном здоровье, — Александр Фадеев, боец и художник революции, активнейший воспитатель нового человека, знал это — было и чувство исторического оптимизма, и вера в силу и мощь своей страны, и исключительная нравственная чистота нашего народа.

Александр Фадеев, вспоминая свой приход в литературу после гражданской войны на Дальнем Востоке, после участия в партийной работе на Кубани и в Ростове-на-Дону, писал: «Мы входим в литературу волна за волной, нас было много... Нас соединяло ощущение нового мира, как своего, и любовь к нему».

Подобное же ощущение нового мира, как своего, и любовь к нему жили и в героях «Разгрома», и с особой резкостью — в молодогвардейцах. Какая карающая сила возмездия обрушилась на фашизм именно из этого источника, который не мог учесть, «измерить» плоский ум фашистских стратегов, — из того источника, где зрел советский патриотизм, чувство Родины! Сережа Тюленин, увидев с чердака вражескую колонну, входившую в город, узнав о расправе врага над ранеными, ищет борьбы, рвется к мести. Да

еще как! Мстительное чувство сотрясало все его тело. Сережке трудно было дышать. То, что так томило и мучило его, на чердаке, теперь нашло выход. «Обождите, пусть стемнеет!» — думал Сережка, корчась на постели. Никакая сила уже не могла удержать его от того, что он задумал. Бросая бутылки с горючей смесью в окна фашистской гостиницы, он невольно выкрикивает:

— Вот вам! Зетцен зи зих! Шпрехен зи дейч! Табен зи этвас! — повторял он с неопределимым торжеством в душе.

А Иван Земнухов, окровавленный, но несломленный и в последний час, смеется над палачами: «Что, не можете? Отказались от чести, совести... а не можете... сил у вас нет».

Александр Фадеев — художник яркого оптимистического дарования, человек с солнцем в крови — ввел в галерею портретов молодого человека XX века — своих героев, которые в отличие от разного рода персонажей из «потерянных, нулевых поколений», исследованных, например, Э. Хемингуэем, из числа «несостоявшихся личностей», всегда ощущают полноту и завершенность жизненной судьбы. Такой завершенной и полной увидел Морозка в «Разгрома» свою жизнь в тот миг, когда он, обругав предательски сбежавшего индивидуалиста Мечика, трижды выстрелил вверх, предупреждая отряд, доверившихся его мужеству, его честности товарищей по борьбе. Такими были коммунисты Лютиков, Проценко, Валько и Шульга и комсомолы-молодоговардейцы в романе «Молодая гвардия» — книге, обессмертившей подвиг молодежи в дни грозных испытаний, продолжающей и доньше свою великую воспитательную работу.

Творчество Александра Фадеева — художника-коммуниста — вновь и вновь напоминает о том, что в жизни есть место для подвигов, для высокого полета души и сердца. Оно говорит о том, что мечты о прекрасном, идеальном — в любви к Родине, в жажде приумножить благородство и мужество человеческих душ. Эстафета подвига творцов революции, подхваченная молодоговардейцами, передается новым поколениям, тем, в ком горит, а не тлеет пламя жизни, кто знает счастье верить и творить.

Виктор ЧАЛМАЕВ.